

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.182

НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ»

Н. В. Семенова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье показана роль тематических и формальных эквивалентностей в экспликации сюжета чеховского рассказа «Учитель словесности» и их влияние на смыслообразование.

Ключевые слова: тематические и формальные эквивалентности, сюжет, фабула, А.П. Чехов, «Учитель словесности».

Ю. К. Щеглов в одной из своих статей определяет «архифабулу» рассказа А. П. Чехова «Учитель словесности». «В центре рассказа – персонаж, полный сил и молодых надежд, желающий жить, трудиться, любить, общаться с интересными людьми. Все это он надеется осуществить в рамках “верхнего мира”, в отношении которого питает разнообразные иллюзии, считая его новым, добрым, талантливым, полным заманчивых возможностей. Попытка героя войти в этот мир или, уже находясь в нем, сделать на него ставку в реализации своих надежд, терпит неудачу, наталкиваясь на автоматизм, ничтожество интересов и пустоту; он ищет живого, а находит мертвое. Наступает разочарование, разрешающееся либо разрывом героя с “верхним миром”, либо примирением, либо той или иной катастрофой» [11, с. 213].

Нетрудно заметить, что речь по существу идет о сюжетном инварианте. При неявной выраженности причинно-следственных и временных отношений в поздней прозе Чехова после 1889 года на первый план выступает анализ вневременных отношений, которые выражаются тематическими и формальными эквивалентностями. Тематические эквивалентности могут быть представлены как эквивалентности персонажей, ситуаций и действий [10, с. 247]. Формальные эквивалентности выделяются на уровне стиля (лексики, синтаксиса, фоники, типов речи) [Там же, с. 252]. Вольф Шмид пишет о чрезвычайной сложности «смысловой фактуры текста, организованного по принципу эквивалентности» [Там же, с. 259]. И, хотя объективного механизма выявления эквивалентностей не существует [Там же, с. 246], идентификация хотя бы одной важной для смыслообразования эквивалентности с неизбежностью ведет к выявлению других.

Можно предположить, что в наибольшей степени будут верифицированы те эквивалентности, которые выявляются одновременно при

© Семенова Н. В., 2023

рассмотрении «глубинных» (языковых) и «поверхностных» (сюжет, композиция) структур.

Так, начало и конец первой главы «Учителя словесности» содержит лексическую эквивалентность.

Первый абзац. «Послышался стук лошадиных копыт о бревенчатый пол; вывели из конюшни сначала вороного Графа Нулина, потом белого Великана, потом сестру его Майку» [7, с. 304].

Последний абзац. «Снился ему стук лошадиных копыт о бревенчатый пол; снилось, как из конюшни вывели сначала вороного Графа Нулина, потом белого Великана, потом сестру его Майку...» [Там же, с. 317].

Принимая во внимание, что I глава первоначально печаталась как самостоятельный рассказ «Обыватели», здесь можно говорить о позиционной эквивалентности. Вольф Шмид пишет об этом так: «Наиболее сильно маркированные топосы – это начало и конец, каждая история основывается на напряжении между ситуациями, расположенными в ее пограничных зонах. Поэтому установление тематических отношений между позиционно эквивалентными частями истории эвристически плодотворно» [10, с. 252]. По Хартману, мы имеем здесь дело с «итерациями», которые маркируют смену точки зрения: повествователя – в начале и Никитина – в конце.

Критик С. А. Андреевский писал после публикации рассказа: «“Учитель словесности” преисполнен наивною поэзией романтических радостей в милой провинциальной среде, в юной и счастливой компании» [2, с. 503]. Конный выезд, загородная прогулка в таком случае дополняют идиллическую картину. Первый абзац содержит, однако, подробность, которая не очевидна пока главному герою и поэтому отсутствует в его сне: «превосходные и дорогие лошади» – общее увлечение Маши Шелестовой и ее отца – эмблематически представляют богатый дом Шелестовых.

Формальная лексическая эквивалентность связана отношениями смежности с гетероперсональной эквивалентностью, устанавливающей сходство и различия: главной героини Марии Шелестовой и внесценического персонажа Марии Годфруа. Машу Шелестову, «лошадницу», после гастролей цирка в губернском городе дома начали называть Марией Годфруа (этим домашним именем называет ее и влюбленный Никитин при объяснении). О Марии Годфруа Чехов писал А. С. Суворину: «Наездницу Годфруа я знаю. Она вовсе не хороша. Кроме езды “высшей школы” и прекрасных мышц, у нее ничего нет, все же остальное обыкновенно и вульгарно» [8, с. 314]. Телесность преобладает и в портрете Маши: «А он <Никитин> глядел на ее маленькое стройное тело, сидевшее на белом гордом животном...» [7, с. 304]. Обыкновенность и вульгарность первой подтверждает принадлежность второй к пошлой среде.

Молодость главной героини дается в качестве синонимической замены ее духовной неразвитости и коррелирует с молодостью Никитина, которая приравнивается к отсутствию сознательной, «нервной» жизни. Этому качеству Никитина отведен в I главе целый эпизод:

«Между прочим подошли военный доктор в высоких сапогах и капельмейстер, дожидавшийся своих музыкантов. Должно быть, доктор принял Никитина за студента, потому что спросил:

– Вы изволили на каникулы приехать?

– Нет, я здесь постоянно живу, – ответил Никитин. – Я служу преподавателем в гимназии.

– Неужели? – удивился доктор. Так молоды и уже учительствуете?

– Где же молод? Мне двадцать шесть лет... Слава тебе господи.

– У вас и борода и усы, но все же на вид вам нельзя дать больше двадцати двух – двадцати трех лет. Как вы моложавы!

“Что за свинство! – подумал Никитин. – И этот считает меня молодкососом!”

Ему чрезвычайно не нравилось, когда кто-нибудь заводил речь об его молодости, особенно в присутствии женщин или гимназистов. С тех пор как он приехал в этот город и поступил на службу, он стал ненавидеть свою моложавость. Гимназисты его не боялись, старики величали молодым человеком, женщины охотнее танцевали с ним, чем слушали его длинные рассуждения. И он дорого дал бы за то, чтобы постареть теперь лет на десять» [Там же, с. 306].

В неожиданно негативном ключе подается молодость героини. Духовная сущность Манюси Никитину неизвестна, да он и не предполагает ее существования, а потому не может правильно истолковать матриониальные устремления в объекте своей любви: «Зачем она на меня так смотрит? – мучился он. – Это неловко. Могут заметить. Ах, как она еще молода, как наивна!» [Там же, с. 311]. Отмечая эту неделикатность, нечуткость, Никитин выдумывает идеальный образ несуществующей Манюси – нежной, страстно к нему привязанной, тоскующей в разлуке с ним. К мыслям о молодости своей невесты Никитин возвращается в разговоре с учителем Ипполитом Ипполитычем, который учил ее в гимназии по истории и географии:

«– Что ж? Она девушка, кажется, хорошая. Только молода очень.

– Да, молода! – вздохнул Никитин и озабоченно пожал плечами. – Очень, очень молода!» [Там же, с. 317].

Еще одна гетероперсональная эквивалентность – Никитин и Шебалдин. Сходство заключается в том, что они оба интеллигенты: Шебалдин – директор городского кредитного общества, Никитин – учитель словесности в гимназии. При этом отмечается парадоксальное внешнее несходство: Никитин носит бороду и усы, а у Шебалдина бритое лицо.

Эта портретная деталь не является случайной; достаточно вспомнить портретные описания в «Анне на шее» «учител^{<ей>} с бритыми усами» и Модеста Алексеича («самое характерное в его лице было отсутствие усов»).

С 60-х годов XIX века интеллигенты начали усиленно отращивать бороды, что воспринималось как «опрошение», сближение с народом, сочувствие либеральным идеям. Бритое, «босое» лицо было принадлежностью «чиновалов» или «чинодралов», которые следуют указаниям начальства [1]. Однако в рассказе «Учитель словесности» оппозиция (и в этом ее парадоксальность) прочитывается с обратным знаком. Никитин, по внешности принадлежащий к прогрессивному лагерю, признается себе, что он чиновник, а не учитель, а Шебалдин бреет усы и бороду, чтобы иметь возможность гримироваться и играть в любительских спектаклях: «Сценическое искусство он любил так искренно, что даже брил себе усы и бороду» [7, с. 310].

Еще две неразвернутые гетероперсональные эквивалентности отмечаются самим Никитиным: «Но тотчас же он с уверенностью говорил себе, что он вовсе не педагог, а чиновник, такой же бездарный и безличный, как чех, преподаватель греческого языка <...> Покойный Ипполит Ипполитыч был откровенно туп, и все товарищи и ученики знали, кто он и чего можно ждать от него; он же, Никитин, подобно чеху, умеет скрывать свою тупость и ловко обманывает всех, делая вид, что у него, слава богу, все идет хорошо» [Там же, с. 325]. Резкую самооценку содержит сравнение Никитина с белым котом – принадлежностью семейного «мирка», в котором «так спокойно и сладко живется ему и вот этому коту...» [Там же, с. 124].

Отмечая особую роль связи слов на основе звукового повтора, В. Шмид пишет, что фонические эквивалентности наиболее сложны для выявления, так как они теряются в речевом потоке [10, с. 252]. В «Учителе словесности» особая значимость фонической эквивалентности «ррр / ррр» подтверждается графическим оформлением. «Ррр» - это звукоподражательное междометие, которое в рассказе всегда стоит рядом с другим звукоподражательным междометием «нга»; таким образом передается рычание и тявканье собаки Мушки: «ррр-нга-нга-нга». В последней редакции Чехов ввел дополнительно два эпизода, формирующих эту эквивалентность, которые отсутствовали в варианте газеты «Русские ведомости».

«Злую Мушку кормили по десяти раз в день, она по-прежнему не признавала Никитина и ворчала на него:

“Ррр... нга-нга-нга...”» [7, с. 322].

«В ответ ему под кроватью заворчала сонная Мушка:

“Ррр... нга-нга-нга...”» [Там же, с. 324].

«Ррр» акцентированно произносится Варей и получает статус слова в предложении: «И это «ррр…» выходило у нее так внушительно, что Мушка непременно отвечала ей из-под стула: “ррр… нга-нга-нга…”» [Там же, с. 308] Фоническая эквивалентность выявляет скрытую, неявную гетероперсональную эквивалентность: уравниваются злая Мушка и Варя, с ее нетерпимостью. Раскатистое «ррр», произносимое ею («Арррмейская острота!»), должно подчеркнуть грубость военных, но на деле демонстрирует узость и отсутствие ума у Вари, которая, выступает как «профессиональный спорщик», при этом «Варины приемы спора представляют собой целый каталог риторических уловок и ложных доводов» [6, с. 127]. В этой связи объяснимым выглядит снятие в окончательной редакции фрагмента, который характеризует Варю как воспитанную дворянскую девушку с хорошими манерами: «Мазурку плясала она изящно и солидно, как полька, романсы пела очень мило, на рояли играла недурно и общество ее было бы незаменимо, если бы была хоть какая-нибудь возможность говорить с нею» [2, с. 395].

Особая техника – повторное повествование – используется при передаче фразы о Лессинге, которую произносит Шебалдин. Этот тип повествования – «излагать n раз то, что произошло один раз» – предполагает стилистические варианты изложения и варианты точки зрения» [4, с. 143]. Первый раз эпизод представлен с точки зрения повествователя, во всех последующих случаях включается точка зрения персонажа.

Полный комментированный русский перевод «Гамбургской драматургии» Лессинга появился в 1883 году и воспринимался в 80-е годы в интеллигентской среде как новинка книжного рынка. Отчасти этим можно объяснить реакцию Шебалдина, который, узнав, что Никитин не читал «Гамбургскую драматургию», «ужаснулся и замахал руками так, как будто ожег себе пальцы, и, ничего не говоря, попятился от Никитина. Фигура Шебалдина, его вопрос и удивление показались Никитину смешными, но он все-таки подумал: «В самом деле неловко. Я – учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга. Надо будет прочесть» [7, с. 310]. В дальнейшем эта сцена возникает во сне Никитина или в воображении и всякий раз маркирует этапы на пути его нравственного пробуждения.

Сон Никитина, в котором появлению Шебалдина предшествует появление Маши, передает смятенное состояние духа героя. «Потом она <Маша> взяла Никитина под руку и пошла с ним в загородный сад. Тут он увидел дубы и вороньи гнезда, похожие на шапки. Одно гнездо закачалось, выглянул из него Шебалдин и громко крикнул: «Вы не читали Лессинга!» [Там же, с. 313]. То, что Никитин не читал Лессинга, оказывается для него столь же важно, как и его неспособность объясниться в любви. В третий раз Шебалдин вспоминается также в связи с Машей, после того как Никитин сделал предложение. «Он <Никитин> быстро разделся и быстро

лег, чтобы поскорее начать думать о своем счастье, о Манюсе, о будущем, улыбнулся и вдруг вспомнил, что он не читал еще Лессинга. “Надо будет прочесть... – подумал он. – Впрочем, зачем мне его читать? Ну его к черту!”» [7, с. 317]. В трех случаях из четырех повтор составляет изоперсональную эквивалентность и связан с состоянием одного персонажа.

Последнее воспроизведение реплики Шебалдина – это «пуантировка в ряду изложения» [5, с. 67]. «И в воображении вдруг, как живой, вырос бритый Шебалдин и проговорил с ужасом: «Вы не читали даже Лессинга! Как вы отстали. Боже, как вы опустились!» [7, с. 324]. При этом «pointe в самом материале сюжета» [5, с. 67] отсутствует. Рассказ имеет открытый финал. Если у Чехова «разрыв героя с “верхним миром” может реализоваться как уход из дома <...> в “Учителе словесности” <это> только мечты об уходе» [11, с. 214].

Таким образом, вероятность новеллистического поворота подтверждается эквивалентностью с Лессингом, а строгость построения системы эквивалентностей ставит под сомнение «случайностный» характер художественного мира Чехова [9].

Список литературы

1. Водовозова Е.Н. На заре жизни [Электронный ресурс] // ImWerden. URL: https://imwerden.de/pdf/vodovozova_na_zare_zhizni_tom1_1987__ocr.pdf (дата обращения: 03.08.2023).
2. Долотова Л.М., Орнатская Т.И., Сахарова Е.М., Чудаков А.П. Варианты // Чехов А.П. Собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. Москва: Наука, 1985. С. 341–398.
3. Долотова Л.М., Орнатская Т.И., Сахарова Е.М., Чудаков А.П. Примечания // Чехов А.П. Собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. Москва: Наука, 1985. С. 399–512.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. Москва: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. С. 308–434.
5. Петровский М.А. Морфология новеллы // Поэтика. Хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета / Сост. Б.А. Ланин. Москва: Изд-во Российского открытого ун-та, 1992. С. 61–92.
6. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
7. Чехов А.П. Собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. Москва: Наука, 1985. 525 с.
8. Чехов А.П. Собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. Москва: Наука, 1975. 583 с.
9. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Москва: Наука, 1971. 292 с.
10. Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
11. Щеглов Ю.К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 576 с.

**THE NARRATOLOGICAL ANALYSIS OF A.P. CHEKHOV'S
“THE TEACHER OF LITERATURE”**

N. V. Semenova

Tver State University, Tver

The article shows the role of thematic and formal equivalences in the explication of the plot in Chekhov's short story “The Teacher of Literature”, as well as the way they influence the sense formation.

Keywords: *thematic and formal equivalences, plot, the sequence of events, A.P. Chekhov, “The Teacher of Literature”.*

Об авторе:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Semenova.NV1@tversu.ru.

About the author:

SEMENOVA Nina Vasilevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelebov str., 33), e-mail: Semenova.NV1@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.